

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ УРОКИ XX ВЕКА: как мы их усваиваем?

Евгений Ямбург,

директор московского Центра образования № 109, член-корреспондент РАО

Поразительно, как мы, имея в виду наш культурный слой в целом и педагогов в частности, не восприимчивы к урокам истории. Каждый раз, попадая в очередной исторический переплёт, оказываясь в положении витязя на распутье, мы заново «изобретаем велосипед», выдавая его за «мерседес», и при этом совершенно искренне недоумеваем, почему он движется с низкой скоростью. Между тем полный трагизма истекший век явил миру мыслителей и педагогов, преподавшим нам такие профессиональные уроки, которые непременно стоило бы усвоить. Диалог с предшественниками — явление, укоренённое в культуре, но мало популярное у нас: каждый новый этап в развитии образования (да и страны) мы начинаем как будто с чистого листа, без учёта тех решений, к которым мучительно приходили люди, сполна испившие горечь XX века.

Разговаривать с ними, советоваться по самым жгучим вопросам современной педагогики с некоторых пор стало для меня настоящей потребностью. От этих бесед подчас получаешь больше, нежели от общения с иными современниками, захваченными злобой дня, скованными мифами, клише и штампами, которые с механической периодичностью воспроизводятся в общественном сознании. Неистребимый утилитаризм мышления в сочетании

с его добровольной, теперь уже политической, ангажированностью бросает школьный корабль из стороны в сторону.

Так, в начале 90-х годов мы сверх всякой меры превозносили общечеловеческие ценности, призывая строить на этом фундаменте воспитание, сегодня резким галсом разворачиваемся к национальным и патриотическим основам. На одной из лекций в профессиональной аудитории, где находились преимущественно преподаватели высшей школы, получил записку: «И всё-таки на каких ценностях сегодня мы должны строить воспитание граждан России: общечеловеческих или национально-патриотических?» В вопросе не было подвоха, лишь искреннее желание разобраться, по какому курсу плыть дальше, но так, чтобы вновь не сесть на очередную мель, не нарваться на новые рифы.

Искушённые люди знают, что дьявол обычно протягивает две руки. Применительно к поставленному вопросу это выглядит так: не хочешь в полной мере вкусить прелести глобализма с его пошлой космополитической цивилизацией, принимай фундаментализм, но тогда будь готов к откату в Средневековье. И наоборот: опасаясь рецидивов мракобесия — смиришься с секс-шопами и культом наслаждения. Но в том-то и дело, что оба варианта — от лукавого. По такому замкнутому кругу предстоит бегать бесконечно.

Только утратив способность за деревьями видеть лес, можно пытаться проводить прагматичную американизированную модернизацию образования, резко сокращая его гуманитарное наполнение (уменьшение учебных часов на изучение истории и литературы) и при этом усиливая патриотическую риторику и призывы к духовному возрождению нации.

Усвоить наследие отцов, сохранить его от забвения и разрушения можно, не пассивно его воспринимая, но активно продолжая работу предков, разрешая всё глубже и глубже поставленные ими задачи. Только преумножая культурное достояние предков, можно его сохранить, ибо дела предков живут не в нашей пассивной памяти, но в наших творческих усилиях и достижениях...

**Выбрать время — значит
сберечь время, а что сделано
несвоевременно, то сделано
понапрасну.**

Ф. Бэкон

Воспитание — сложный процесс, состоящий из нескольких слоёв, один поверх другого, подобно геологической структуре земной коры. Существуют четыре пласта, или плана человеческого бытия, — биологический, социальный, духовно-культурный и благодатный, который определяется как Царство Божие. Соответственно этим названным выше пластам человеческого бытия соответствуют четыре уровня воспитания человека: как психофизического организма, как общественного индивида, как личности, включённой в культурную традицию, как члена царства духа. Четвёртый пласт, высший, — это план благодатного бытия, в котором воспитание выступает как Спасение, которое осуществляется через любовь к ближнему и любовь к Богу и ведёт человека к личному бессмертию. В этом высшем, эсхатологическом смысле образование есть «забота о смерти», забота об идущих на смену поколениях, которым передаётся культурное наследие, живой поток творчества...

Учитель знает, что не объективным предметом самим по себе, но только его личным отношением к предмету достигается в последнем счёте приобщение учащихся к мето-

ду науки, искусства, права и хозяйства. Педагог прежде всего воздействует на учащихся как личность, как живая, исполненная любви личность, как водитель юности...

Дело тут не в программах и формулах, а в том живом духе педагогического водительства, который передаётся от человека к человеку. Кстати, и в физическом воспитании просвечивают не только социальные ценности и не только правовые, эстетические и научные, но в последнем счёте и община духов, или «Царство Божие». В противном случае физическое воспитание вырождается в простую атлетику, или военщину, или эстетизм, в зависимости от того высшего, наслаивающегося над ним и оформляющего его слоя, который ещё в нём просвечивает...

Подлинный воспитатель, воспитатель милостью Божьей, есть тот, кто умеет в нужный момент помочь силам жизни против сил смерти в душе своих воспитанников, освободить их от сковывающих их комплексов и тем самым вывести их из одиночества в живое общение с ближними.

Пробуждение внутренних сил жизни, преодоление смертоносных начал, губящих душу человека, выведение человеческой души из одиночества, в котором упорствует обречённая смерти душа, в соединённую узами общих духов, — вот в чём заключается призывание и тайна истинного воспитателя...

Мировоззрение, идеология и пропаганда

Без мировоззрения как жизненного отношения субъекта к мировому целому, отношения, включающего в себя наряду с представлениями о мире и оценку его с точки зрения ценностей, а значит, и некий жизненный идеал, — без такого мировоззрения нет самосознания, а стало быть, человека как личности...

Задача образования действительно заключается в том, чтобы человек выработал себе мировоззрение, а это означает то же самое, что стать личностью...

Хороший учитель, учитель по призванию, никогда не сможет обойтись без мировоззрения или отрешиться от него, и это тем менее, чем больше представляет он собой самостоятельную личность. Не может он также и привести к молчанию в своей педагогической практике имеющееся у него мировоззрение. Это означало бы для него отказ от своей личности воспитателя. Но если бы он даже попытался это сделать, это мало бы помогло. Окружение ребёнка вне школы всегда пропитано каким-нибудь мировоззрением, ребёнок вдыхает эту духовную атмосферу, его окружающую, он «врастает» в то или иное мировоззрение, коренящееся не только в личностях отдельных людей, но как бы в самой исторической эпохе...

Раскрыть смысл такого мировоззрения — это значит привести его как бы в динамическое состояние, сделать его понятным в его проблематике. Учителю совсем не нужно при этом воздерживаться от своего суждения, но нельзя это своё суждение навязывать школьнику: и то и другое только затушевывало бы для ребёнка смысл окружающей его духовной атмосферы...

Если учитель воздерживается от мировоззрения и обнаруживает безразличный нейтралитет в вопросах, которые юношеством ощущаются как вопросы жизни и которые в глазах молодёжи являются как бы оселком, коим те испытывают своих учителей, то учащиеся быстро разочаровываются в личности учителя, что отражается и на самом преподавании.

На высшей ступени школы преподавание имеет своей задачей давать не только простую сумму сведений, но приобщить учащихся к тому, что можно было бы назвать духом науки, дать им по крайней мере почувствовать позади сведений оживотворяющий их метод научного исследования...

Мировоззрение есть самосознание человека, интуиция им последнего основания своего собственного бытия...

Ведь мировоззрение каждый человек избирает себе сам в соответствии со своим характером...

В жарком дыхании ненависти и любоначала мировоззрение засыхает в своей субъективности и удалённости от всякой выходящей за его пределы проблематики, застывает в идеологию и обезличивается, вырождаясь в механическое и абстрактное орудие, в меч неизменной и всем изрядно наскучившей борьбы. Воля к власти превозмогает в идеологии волю к правде, и мировоззрение затвердевает тогда в неподвижную догму, в своего рода блиндаж, прикрывающий бойца во время сражения...

Идеология есть не что иное, как обезличенное мировоззрение. Образование есть, напротив, процесс формирования личности человека, и обретение человеком мировоззрения есть только обратная сторона этого процесса, оживотворяемого лишь любовью...

Пропаганда есть образование, искажённое в кривом зеркале любоначала и механизма.

Она имеет в виду лишь чисто внешнее сплочение масс, ей нет дела до того, чтобы образовывать отдельного индивида в активного носителя предания, что, как мы видели, возможно только тогда, когда в процессе передачи участвует свободная личность человека...

Идеология, которой пропаганда пользуется для своей борьбы, подражает статическому замкнутому характеру мировоззрения органической культуры. Но так как она есть только чисто механическое ему подражание, замкнутость его вырождается тут в сознательное исключение всякой чуждой проблематики...

В плавильную печь воспитания юношества нередко бросают щелочные металлы,

**Определяйте значение слов,
и вы избавите свет
от половины его
зablуждений.**

Р. Декарт

являющиеся, по слову Гессена, продуктом эпохи, утратившей своё собственное лицо и потому неизбежно отравляющей сознание воспитанников. Но обратимся к фактам.

...Урок истории в десятом классе. Элективный курс «Мир славянской мифологии». Перед уроком учитель обосновывает выбор этого курса для десятиклассников. Мотивы, разумеется, патриотические. В младших классах дети подробно ознакомились с греческими мифами. Чем хуже наши предания? Сегодня одна из важнейших задач — воспитание патриотизма и возвращение к истокам. «Вот я и ставлю задачу, — говорит учитель, — формирования у своих учащихся магического сознания как основы нашего национального мышления». Что называется, приехали. Великие мировые религии проделали путь от магизма к единобожию, а мы на заре третьего тысячелетия возвращаемся «к истокам». Иными словами, целенаправленно уходим в язычество. Так мы в полном соответствии со словом Гессена кичимся своей любовью к органическому. Добро, если бы речь шла о серьёзном изучении фольклорного и этнографического материала, об исследовании архаических форм сознания и преодолении их элементов сегодня. Маги и колдуны, делающие бизнес на эксплуатации рудиментов первобытного мышления у наших современников, подталкивают нас к такой педагогической реакции. Так нет, учительница искренне убеждена в том, что она своим курсом «формирует нацию». Ни больше и ни меньше. В качестве исторических источников на уроке используются русские сказки и поэма А.С. Пушкина «Руслан и Людмила». Особенно трогательно выглядит символический анализ «Курочки Рябы». Оказывается, дед и баба вовсе не старики, а прародители мира. Курочка Ряба — это мировая душа. Снесённое ею яйцо — образ мира. Соответственно мышка — олицетворение тёмных разрушительных, низменных сил. Такой вот магический символизм, а по сути дела — карикатура.

Но она вызывает тревогу, а не смех. Старшеклассники слушают с интересом, это так ново и необычно! Соответственно учитель ощущает

себя неким демиургом, открывающим юношеству сакральные знания. Что с нами происходит?

Строго говоря, любой артефакт культуры, включая тату, может стать предметом научного анализа. На память немедленно приходят слова знаменитой песни В.С. Высоцкого: «А на левой груди — профиль Сталина, а на правой — Маринка анфас». Вождь, который выколот ближе к сердцу, чем любимая женщина, даже у зэка, — это многое проясняет в психологии людей той эпохи. Другая песня того же автора так и называется: «Татуировка».

Я ношу в душе твой светлый образ, Валя,
А Леша выколот твой образ на груди.

И теперь реши, кому из нас с ним хуже,
И кому трудней — попробуй разбери.
У него твой профиль выколот снаружи,
А у меня душа исколота внутри.

В те эпохи, в тех сообществах, когда культура разоблачается, сбрасывает свои покровы, когда «душа исколота внутри», а картина мира мыслится по Беккету: пустынное небо, каменистая земля и голый человек, распластанный на ней, — из глубин подсознания выползают первобытные формы хранения и передачи информации, в частности, с помощью татуировок на теле. Услужливый рынок мгновенно реагирует на спрос, фиксирующий не что иное, как упадок культуры, предлагая свою облегчённую деидеологизированную версию моды на тату. Так или примерно так мог повести разговор с молодыми людьми подготовленный с точки зрения культурологии педагог. Это ведь то самое, что имел в виду С.И. Гессен: «Хороший учитель всегда сумеет обнаружить смысл какого-нибудь старого обычая или даже старого предрассудка, открывая школьнику те проблемы, которые стоят позади них и разрешению которых они в своё время должны были служить».

Из осколков плохо переваренной психологии и культурологии трудно выстроить целостную картину мира. Английский историк Тен писал о том, что нет ничего страшнее, чем большая мысль в маленькой голове. Между тем все последние годы при подготовке учителей мы были озабочены исключительно вопросами технологий: информационных, здоровьесберегающих и т.п. Забывая при этом, «что без мировоззрения нет самосознания, а стало быть, человека как личности» (С.И. Гессен). Жертвой такого технологического перекоса стали учителя, а их заложниками — дети. Положение усугубила мода на элективные курсы. Пришла она к нам из западных университетов, где студенты набирают определённое количество курсов по выбору. Это могут быть и ганзейские ремесла, и китайские чайные церемонии, и история тату. Бога ради, если взрослые люди в соответствии со своими вкусами и предпочтениями имеют возможность выбрать занятие по душе. Но при чём здесь средняя школа, призванная давать базовое образование? К чему перегружать и без того перенасыщенные учебные планы? Тем более что психологи давно доказали: **одно-часовые курсы для развития ребёнка не дают ровным счётом ничего.** Ориентируются они чаще всего не на интересы детей, а на вкусовые предпочтения учителей. Так, в пятом классе появляется элективный курс нумизматики (почему не бонистики?), а в десятом — славянской мифологии. С таким же успехом можно вводить гидропонику или, например, ос-

новы индийской философии. Почему нет, если учитель в данный момент увлечён тем или иным сюжетом? И из этих лоскутов мы надеемся сшить одеяло, дабы хоть как-то прикрыть свою мировоззренческую наготу? Получается худо, особенно в старшей школе, где, по слову того же Гессена, «преподавание уже имеет своей задачей

**Если ученик навсегда
остался учеником,
то учитель никогда не был
учителем.**

От редактора

не давать только простую сумму сведений, но приобщать учащихся к тому, что можно было бы назвать духом науки, дать им по крайней мере почувствовать оживотворяющий их метод научного исследования». Ожидать, что кто-то многоумный в лице государства или очередной правящей партии подарит тебе готовое мировоззрение», — значит демонстрировать рудименты рабской психологии, путая мировоззрение с идеологией. «Ведь мировоззрение каждый человек избирает себе сам в соответствии со своим характером» (Гессен). Но выбор его происходит не на пустом месте, а на фундаменте культуры. **В.Ш**